

ЗА СЕМЬ ЛЕТ ДО КОНЦА ЭПОХИ ЗАЩИТНИЦЫ

— Приветствую вас, дорогие радиослушатели! С вами «Загадки истории»! Сегодня гостем нашей студии мог бы стать великий мастер аэдических искусств, профессор университета имени великого стратега Каоры Риццу господин Тарус Силлагорон. К сожалению, аэды и логики еще не нашли способа примирить электричество и руны, поэтому интервью у нашего гостя мы взяли заранее. Ответы господина Силлагорона зачитает заслуженный диктор Антариона господин Румель Даир.

— Доброе утро, уважаемые радиослушатели! Я свидетельствую, что стенограмма точна и каждое слово принадлежит великому аэду! На время беседы прошу забыть, что меня зовут Румель Даир. Представьте, что вы слышите голос господина Силлагорона.

— Сегодня мы вспомним человека, о котором, казалось бы, известно все. Речь пойдет о величайшем царе древности, открывшем рунно-портальный способ перемещения и объединившем Шесть миров в единое царство! Ни одна историческая личность не вызывала столько споров в самых разных областях человеческой мысли — от науки до этики! Конечно же, вы поняли, что я имею в виду царя Древнего Ульма Вальдераса Сакхару!

— Если верить результатам социальных исследований, Вальдерас лидирует в рейтинге самых известных людей Шести миров. Он более узнаваем, чем крупнейшие политики нашего времени. Но, хотя биография и наследие Вальдераса изучены досконально, этот человек оставил загадки, которые мы до сих пор не разгадали.

- Например, место захоронения?
 — Место захоронения?! Да мы даже не знаем, было ли оно! По легендам Шестимирного Ульма, Вальдерас не умер, а ушел через один из ксантийских порталов. Древние верили, что великий царь вернется в конце последней эпохи Кэлидарры, одной из возможных вселенных. И вера в это оказалась настолько сильна, что после его исчезновения на протяжении всей человеческой истории находились люди, уверявшие, будто во сне стали свидетелями возвращения царя!
 — Эти сны... Они же все как под копирку, одинаковые...

Из стенограммы интервью господина Таруса Силлагорона, великого мастера эдического искусства, профессора университета имени великого стратега Каоры Рицу, специально для радиопередачи «Загадки истории». Стенограмма зачитана в прямом эфире мастером дикторского искусства, господином Румелем Даиром.

— Поздравляю с назначением в Сариссу! — Первый амир ульмийского царя Нардха Сакхары отвел новоиспеченного наместника в пионовый павильон под предлогом последних распоряжений.

И амир, и наместник были опытными царедворцами: со стороны казалось, что они безмятежно радуются высокому назначению.

— Давай к делу! Хочу скорее покончить с неприятными вопросами, — почти шепотом ответил наместник, сорвав пышный пион.

— Даэрра родила мальчика. И нравится или нет религиозным фанатикам, в его жилах — царская кровь. Ребенка необходимо спасти. Царь распорядился оставить его в Заречной роще близ храма, — скороговоркой пробормотал амир, по-прежнему радостно и широко улыбаясь и одобрительно похлопывая наместника по плечу.

— Там же, кроме тесситов и кабанов, никого... — Наместник оторвал розовый лепесток пиона и проследил, как он медленно опустился на деревянный настил павильона.

— На то и расчет. Нардх не смеет нарушить царское слово. Но, сам понимаешь, шансы выжить у царевича ничтожны. — Амир улыбнулся еще шире и поднял правую ладонь в благословляющем наместника жесте.

— По-моему, ты усложняешь. Вели оставить его в Ладони Неназываемого, но Многоименного, и его заберут тесситы. Царевич выживет без риска для нас. — Головка пиона лысела в пальцах наместника, лепестки падали один за другим.

— А как мы его заберем у тесситов, если понадобится царская кровь? Ты слышал, чтобы они хоть раз вернули то, что взяли? Нет, как только Вальдерас окажется в Ладони, нам придется забыть о нем, все равно как если бы его затоптали кабаны. — Рука амира опустилась на рукоять церемониального меча.

— Как-как ты его назвал? — Наместник даже забыл про пион.

— Не я. Мать. Она сказала, что так хотел его отец...

— Ну, если отец... Кто мы такие, чтобы не подчиниться воле царя, пусть даже и сингварского. Значит, Вальдерас. Прикажи оставить его в пяти ленграх к северу от Заречного храма. Чем дальше от тесситов — тем спокойнее. — Наместник отбросил ощипанный цветок, склонил голову в знак благодарности, развернулся и скорым шагом пошел прочь.

ЧАСТЬ

I

ЦЕНА КСАНТИИ

Одна из возможных вселенных состоит из шести миров: Антарион, Ханшелла, Мильгена, Карагор, Сандим, Нарендис. Находятся ли они в едином космосе? Известно лишь, что законы дхарм всюду одинаковы и делятся на три группы: субъективные (их изучают и используют аэды), объективные (изучают и используют логики), трансзаконы (непонятные, используют только стратеги).

Из конспекта первой лекции Альтирэ Дорран по «Введению в аэдическое искусство» студента первого курса университета имени великого стратега Каоры Риццу Риама Фельтауза.

Не по-осеннему погожий тайный канорт стоял над Сайтэррой. Господин Агнеда Руквола, почетный профессор различных университетов пяти миров и просто профессор антарионского университета имени великого стратега Каоры Риццу, не помня себя от ярости и разочарования, спешил к игорному дому «Удача в кармане». Витрины отражали закат, гудели электро- и паромобили, под уже желтеющими липами бульвара прогуливались парочки, наслаждаясь последним теплом.

Дойдя до игорного дома, Агнеда уставился на вывеску так, словно видел ее впервые: «Удача в кармане»... Какая ирония! Еще полгода назад он не сомневался, что да, удача и в самом деле в кармане, наконец-то звезда его взошла, и он, сделав величайшее открытие,

без труда найдет финансирование на дальнейшие исследования! В университете имени великого стратега Каоры Риццу отгремело чествование, на котором зачитывали поздравления от известных людей, начиная великими аэдами и заканчивая самим президентом! Казалось, из желающих дать денег, чтобы войти в историю антарионской науки, должна была выстроиться очередь. Но столь осязаемый вчерашний успех сегодня вспоминался как осадок полузабытого утром сна.

Влетев в игорный дом, Агнеда, скользнув рассеянным взглядом по безвкусно стилизованным под эпоху Начала Шестимирной Конвенции тяжелым гардинам и обитой шелком мебели, направился к одному из столов на массивных львиных ножках. Его там уже ждали.

— Всё напрасно! — выдохнул Агнеда. — Пока у власти Серый Тиран, наука так и будет стоять с протянутой рукой!

— Тише! Будешь так кричать, у тебя проблемы прибавятся, а не деньги. — Оруба Матар был, как всегда, рассудителен: Агнеде даже иногда казалось, что друг детства стал аэдом вовсе не по призванию, а только ради дружбы.

— Тише?! Если здесь есть те, кто работает на службы, — Агнеда прокричал в зал, обращаясь к несколько смущенным таким шумом посетителям, — передайте этим ничтожествам, что Руквола использует портрет президента Кольдера Аддара и его приспешников как мишень в тире!

— Может, выпьем? — вкрадчиво предложил рассудительный Оруба. — Сейчас нам нальют отменного ханшелльского. Посидим, поговорим, что-нибудь придумаем...

— Например?! — Агнеда и не собирался понижать голос. — В министерстве науки мне объяснили, что на раскопки в Ханшелле денег нет и не будет! Что

я должен, как последний прожектор, открыть денежный сбор в рете! Так и написать: «Подайте денег на зарплату ханшелльским рабочим, потому что по местным законам Агнеда Руквола сам копать не имеет права, хотя готов! Бесплатно!» Мне всего лишь надо оплатить клятых рабочих!

— Заказывай выпивку, а я попрошу универсалов позвонить Лис.

— Ни один фонд, ни одно правительство, ни одно министерство, ни одна сволочь не сочла нужным дать денег на уже доказанное открытие! Туда надо просто приехать с лопатой! И ведь еще полгода назад — столько обещаний, столько предложений! А как дошло до дела... — не унимался Агнеда, уже садясь за столик к затихшим приятелям, которые предпочли бы притвориться, что вовсе его не знают. — У одних бюджет уже расписан, у других нет бюджета и самим бы кто подал, третьи не уверены в коммерческом успехе и не готовы так рисковать!

Он швырнул на зеленое сукно игорного стола увесистую папку.

— И теперь это можно спустить в нужник, потому что другого применения нет!

— А ты думаешь, Вальдерасу было легче, когда он рунный принцип открывал? — робко попытался кто-то разрядить обстановку.

Уловка удалась: Агнеда всегда включался в любые разговоры о своем кумире. Вот и теперь он ухмыльнулся:

— Господа, ваши данные устарели! Теперь открытие рун модно объяснять помощью Шести! Если б не они — он бы ни одной руны не открыл!

Официант наполнил шумному гостю бокал.

— За вас, господа! И за проныру Вальдераса, обдурившего Шесть!

Агнеда залпом опустошил бокал. Он смотрел на раскрасневшиеся от вина лица, но мыслями был не здесь. «Прости меня, Вальдерас, прости меня, мой кумир, что я непотребно использую твое имя на потеху невеждам и бездарям. Ты отчаянный поэт и мудрый воин... Но как, как в твою голову пришла мысль о рунах? К кому обращался ты в своих молитвах, светловолосый царь смуглых ульмийцев?! Ты, такой же временный стусок дхарм, как и любой из нас, как ты понял, куда устремиться мыслью и чувством?»

Агнеда осушил еще бокал, и еще. Давние сомнения, теньями скользившие по горизонту мысли еще со студенческих времен, гонимые разумом многие годы, вновь набирали силу и плоть... Как Вальдерас совершил невозможное?! Как Агнеде совершить невозможное?!

Его отвлекло прикосновение точеной мраморно-белой руки...

— Лис?

— Я была неподалеку по делам... Мне универсалы позвонили. Не вышло?

Агнеда коротко кивнул.

— Ты ведь знала, что так и будет, когда предупредила, что разрыв с Альгирэ дорого мне обойдется?

— Я знала, что с ней поток дхарм очень быстро принес бы тебя к Ксантии.

— Но как?! Альгирэ — невероятно талантлива, однако она всего лишь мастер аэдических искусств нашего университета, она не состоит ни при одном министерстве, а связей у нее столько же, сколько у него! — кивнул он в сторону официанта.

— У него, может, даже больше... — улыбнулась Лисантэ. — Но есть второй поток, и мы сейчас в нем. И... Я не знаю, ничего подобного в жизни не испытывала, но он как будто устремлен за пределы всего известного, куда-то, что не постичь...

— А Ксантия? Он принесет нас к Ксантии?

— Я не знаю, Агни. Но ты совершишь нечто непостижимое...

Нечто непостижимое... Он закрыл глаза. Лис хоть и одаренный стратег, но все же влюбленная женщина: может, и нет никакого потока, а она просто пытается его ободрить. Нет, не его дело доверяться потокам и выискивать лучший. Он великий Агнеда Руквола, он аэд, в его власти менять карту течений, а не выбирать между ними. Что ты сделал невозможного, Вальдерас, что не смог сделать никто после тебя?!

Почти непроизвольно, почти не отдавая себе отчета в своих фантазиях, он представил древний альгирдовый портал Ярмионского храма и каждую руну Шести на его окружности. Впериваясь в них внутренним взором, Агнеда сосредоточился на безграничном отчаянии и безумной надежде. «Шесть! Ни один аэд, начиная с первого, не взывал к вам! Мы свергли ваших халитов, мы отказались приносить вам жертвы, мы правили Шестимирным Ульмом, пока не опьянели от собственной власти! Ни логики, ни вы не осилили бы нас — только внутренний червь, подтачивающий основания нашего здравого смысла и чувства реальности... Но сейчас, Шесть, я, ваш давний, ваш страстный враг, оспоривший у вас право распоряжаться движением дхарм, я призываю вас к перемирию...»

— Молитва, меньше всего подходящая на моление... Я бы даже назвал ее высокомерной, если б не ваше отчаяние, господин Руквола.

Агнеда вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. За столиком сидел незнакомец с настолько невыразительной внешностью, что восстановить в памяти черты его лица не получилось бы, стоило отвернуться. Пожалуй, такое лицо вообще можно было на-